

Фрагменты из книги Бертольда Ульсамера "Главные ошибки в семейных расстановках" (

Bertold
Ulsamer

.
Die
wichtigsten
Irrt
ü
mer
zum
Familienstellen

.
Herder
,
Freiburg
, 2007)

Перевод с немецкого Марины Травковой, октябрь 2008.

Использование материалов данного сайта разрешается только в некоммерческих целях, с обязательным указанием авторов, редакторов, переводчиков и активной ссылкой на www.constellations.ru

[Подробнее о правилах использования материалов сайта](#)>>

«Семейные расстановщики подогревают те истории, на которых давно пора поставить точку!»

Как исторические события продолжают свое действие. Связь между жертвами и преступниками.

Прошло вот уже более 60 лет со времен Третьего Рейха и конца Второй Мировой Войны. Немцы превратились в почти образцовых демократов. Поколение тех, кто застал то время, уменьшается, очевидцы стареют и постепенно умирают. Так не наступили ли времена, когда прошлое можно оставить в покое? Что хорошего в том, что в расстановках все еще фигурируют преступники и жертвы Третьего Рейха?

История продолжает жить в семьях.

Поразительно, но когда Хеллингер развивал свою расстановочную работу в 80-е, ни Третий Рейх, ни национал-социалистическое прошлое не играли в этом почти никакой роли. Речь шла, прежде всего, об исключенных и забытых, часто о рано умерших членах семьи и о том, как они позже представлены в системе. Наступила середина 90-х годов, когда Хеллингер начал поговаривать о том, что пожалуй, его работа идет к концу и прекращается, и сам он может уйти на покой. И тут, неожиданно, стал проявляться Третий Рейх, преступники и жертвы. С тех пор эта тема присутствует в расстановках и проявляет себя очень интенсивно.

Пришло время, взошли семена готовности по-новому взглянуть на степень вины немцев. Расстановки показывали наглядно, каким грузом является прошлое для поколений детей и внуков. Страх, вина и стыд не исчезли и по прошествии столь большого срока.

Один из порядков, обнаруженных Хеллингером, гласит, что исключенные из семьи представлены («замещены») в следующем иили через одно поколение. Рожденные позже «заместители» проживают схожую жизнь, с подобными же чувствами и похожим поведением.

Обладая этим знанием, внезапно постигаешь феномен появления неонацистов. Юные наци будут существовать до тех пор, пока отторгается все то, что сделано их отцами и дедами. До тех пор, пока немцы пытаются отречься от всего того, что совершено в Третьем Рейхе, им не освободиться от этих энергий. Произвольный разрыв с корнями прошлого невозможен. Этот разрыв большей частью уже был опробован в послевоенной Германии. После шока капитуляции, после придания огласке преступлений Германии и в борьбе за выживание в послевоенные годы, это было, вероятно, единственным из того, что в силах человеческих. Но должно было прийти время, когда то, что до этого вытеснялось и искажалось, вновь прорвется наружу. И это происходит как со всем обществом в целом, так и в отдельно взятых семьях.

Следовательно, не семейные расстановщики «разогревают» историю. Котел все еще обжигает сам по себе. И тут не поможет формальное размежевание, как бы нам того не хотелось.

Преступники и жертвы связаны между собой.

Так существует ли какой-то выход? И если расстановщики все чаще работают в этом направлении - то как они обращаются с историей?

Первое важное открытие об отношениях «преступник-жертва» Хеллингер сделал, работая в семьях виновных (преступников). По ним стало видно, что убийство создает тесную связь между преступником и его жертвой, такую же, как если бы жертва принадлежала к его (преступника) семье.

Вот приходит клиент в тяжелой депрессии, постоянно мучимый мыслью о суициде. На вопросы о событиях в жизни его семьи он сообщает, что его отец, убежденный наци, служил в СС. И что он участвовал в расстрелах еврейских семей. Расставляются клиент, его отец и три человека в качестве заместителей всех его жертв. Жертвам зябко. Отец смотрит мимо них и кажется равнодушным. Заместителя сына тянет на сторону жертв. Расстановщик просит жертв улечься на пол, показывая то, что они уже мертвы. Сына тянет к ним. Ложась рядом с жертвами, он чувствует себя крепко связанным с ними, расслабляется. Да и жертвы чувствуют себя более признанными. Через некоторое время одна из жертв проявляет беспокойство. «Это не твое место», - говорит она сыну, которому тем временем тоже становится не по себе.

С того момента, что сын лежит с жертвами, исчезает равнодушие отца. Это ему не по душе. Затем сын встает и говорит отцу: «Я делаю это из любви к тебе» Отец смягчается и впервые смотрит на жертв. Он говорит им «Я убил вас и впервые смотрю на вас» Внезапно мужчину пронзает сильная боль и он вновь хочет отвернуться. Расстановщик побуждает его лечь на пол к жертвам. Он выполняет это и постепенно расслабляется рядом с ними. Жертвы тоже становятся расслабленнее. Если до этого момента у них постоянно были открыты глаза, то теперь они их закрывают.

Теперь сын смотрит на отца и говорит ему: «Я уважаю тебя и твою вину и оставляю тебя с жертвами». После чего он склоняется в поклоне и разворачивается, чтобы смотреть в лицо жизни.

После всего произошедшего в Третьем Рейхе успокоится можно, лишь взглянув в лицо плохому и оставив вину и ответственность тем, кто в этом участвовал. Это огромный внутренний шаг, у которого много общего с личным духовным ростом.

Часто вместо этого мы осуждаем и обсуждаем дела тех, кто не сумел всего этого пережить. Всем нам хотелось бы пребывать в своего рода детской невинности. Нам кажется, что проще всего видеть вину в других, но не в себе. «Я принадлежу к хорошим и приличным, а остальные - плохие и виновные» При этом мы чувствуем себя морально на стороне правых, как будто бы вообще можно быть уверенным, что сам ты действовал бы иначе. Это малоэффективно, возмущаться таким образом после того, как что-то свершилось. Подобное возмущение не дает никакой защиты от низменных инстинктов («собственного внутреннего подлеца»), которые проявятся в других ситуациях. Оно скорее увеличивает вероятность того, что в решающие моменты ты окажешься на

стороне большинства.

Мы постоянно носим все в себе, как плохое так и хорошее. Большой шаг к тому, чтобы больше принимать самого себя со всем этим, возможен тогда, когда кто-то уважает ближних своих с их ответственностью, их виной и невиновностью. Тогда он прекращает выносить суждения о других, осуждать их и делать приговоры. Моральное осуждение только изображает человека величественнее и лучше - чем он есть на самом деле.

Отречение от виновных делает человека недалёковидным и смирившимся. Тем самым он оставляет зло с теми, кто его совершил.

Более свежим открытием является то, что эта связь работает также и в обратном направлении, то есть - преступник принадлежит к энергетическому полю жертвы. И что поэтому в семье жертвы впоследствии появляются дети или внуки, связанные с преступником и его энергией.

Я лично присутствовал в Тель-Авиве в тот раз, когда Хеллингер впервые проводил там расстановки. В первой же расстановке я замещал израильского клиента. Это был человек моложе меня. Его предки и многие другие родственники погибли в Холокосте.

Полная любви связь с предками, с жертвами была очень ощутимой. Но я в моей роли чувствовал своего рода восхищение по отношению к преступникам. И был израильский предок, который противопоставлял себя преступникам безжалостно и мстительно. У него была такая же энергия. Мне импонировали холодность и сила. По ходу расстановки некоторые жертвы и преступники встретились и примирились друг с другом. Мне это было неприятно. К счастью, один из предков все еще жаждал мести. К нему у меня была самая большая любовь. Я чувствовал, что он мне ближе всех.

Связи сегодняшнего поколения с Третим Рейхом пролегают и через отношения «убийца-жертва». В расстановках Берт Хеллингер раскрыл это еще больше. Когда кто-то несправедливо (неправедно) наживается за чей-то счет, жертва становится частью его собственной системы. Многие немцы в Третьем Рейхе составили свое экономическое благополучие за счет убийства евреев, за счет грабежей гражданского населения в Восточной Европе. И эти жертвы тоже незримо присутствуют в семьях. Нет

Бертольд Ульсамер о теме Третьего Рейха в расстановках

Автор: Administrator

01.08.2010 14:41 - Обновлено 23.09.2010 05:18

ничего удивительного в том, что стыд и вина все еще подспудно живы, и что та финальная черта, которой пока быть не может, - так желанна.

Перевод с немецкого Марины Травковой, октябрь 2008.